

Соня Евсеева

Ружье должно выстрелить

Земля под ногами стелилась гречневой крупой. Твердой, крупной, из шуршащего пакетика. За оградой лежали засохшие печенья, конфеты «Маска» и недопитая бутылка водки. Вера положила руку на чугунный забор, взглянула на выцветший портрет мужчины и открыла калитку. С гранитной плиты ей улыбнулся Аксенов Михаил Петрович. Перед тем как умереть, он рассказывал о дальних поездках в Краснодарский край, двухметровых подсолнухах и вареных раках, хрустящих на вставной челюсти. Вера улыбнулась в ответ, с нежностью поправила гвоздику и двинулась по знакомой тропе.

Жена Михаила Петровича была первой клиенткой Веры. Она слушала, делала пометки в блокноте и вспоминала последние слова матери. Приноси пользу людям и не лги — все возвращается бumerангом. В ноябре бумеранг снес Веру в погребальную яму, где она просидела сорок дней вместе с тлеющим материнским телом. Залегла на районное дно. Забралась под плинтус вместе с бутылкой Санто Стефано.

Не лги, что тебе плохо, Вера. Иначе сама станешь глубокой ямой. Рамкой с черной лентой. Ржавой оградкой. Бездушной гранитной

плитой.

Трезвость пришла к Вере на сорок первый день. Она решила уехать за черту города, где были могилки вместо панелек, и мама, проросшая кладбищенским сорняком. Строгая на фотографии, бесформенная в земле. Вера смотрела на нее и не понимала, что делать дальше. Сидя на скамейке перед оградой, она зашла в Гугл и начала писать запрос — что делать, если умер близкий человек и никого нет рядом я не знаю что делать мне нужна помощь. По запросу ничего не найдено. Рекомендации: введите другие ключевые слова и найдите выход.

Потом Вера нашла статью о доулах смерти. Женщинах, которые помогают помнить, любить и скорбеть без вреда для здоровья. Она пришла к одной из них и задержалась на пару месяцев. Закопала яму, заклеила плинтуса и поставила в бутылки свечи, которые заменяли Вере лампу, когда она ночами писала конспекты по лекциям. Приноси пользу людям, Вера, и направляй бумеранг в другую сторону.

Дрожащая под кроссовками гречка сменилась гладким асфальтом, проложенным вдоль линий для тех, кто мог позволить себе весь спектр ритуальных услуг: грузчиков в кипенно-белых рубашках, дубовые гробы с блестящими ручками и похоронный венок из живых цветов. Вера усмехнулась, шагнула вперед и тут же остановилась.

Между третьей и четвертой линией стояла девушка в накинутом на голову платке. Пришла хоронить. Может, уже похоронила. Может, навещает своих, как Вера.

Она изучала ее со спины. Волосы волнами по шее, платье пеной по фигуре — не хватает только белеющего в тумане паруса. Случайная кладбищенская поэзия. Картина маслом, на которую Вере хотелось смотреть.

Девушка оглядывалась по сторонам и прижимала руки к груди, как в молитве. Обычно люди просят надежды и любви, но Вера всегда приходила первой.

— Заблудились?

Девушка испуганно обернулась.

— Нет... или да. Голова ватная.

— Помощь нужна? — спросила Вера.

— Если не трудно.

Вере было не трудно, только холодно от взгляда на легкую ткань в осеннем пейзаже. Уши загорелись красным, и Вера сдвинула ворот куртки к подбородку. «Накрыть бы эту девчонку одеялом и обнимать, пока не согреется».

— Извините, если я начну плакать. Дедушку на днях похоронили, — девушка отвернулась, зажала в пальцах край платка и продолжила

говорить. — Так странно. Всей семьей мы собираемся только на похоронах.

Вера кивнула в согласии и вспомнила родственников. Горячих от двух стопок водки, сытых от сервелата и семги. Как только маму засыпали землей, они вытерли друг другу слезы, поцеловались в щеки и разъехались по домам, дачам, отпускам. Прощайте, родственнички. До следующих похорон.

— Есть какие-то опознавательные знаки? Может, деревья или соседние могилы?

— Да, там был большой дуб или тополь, а рядом могила бабушки. Мама пошутила, что очень легко посчитать, сколько ей было лет. Родилась в 1900 году, а умерла в нулевых.

Вера тоже здесь терялась, пока не привыкла.

— Значит, ищем большое дерево.

Большое дерево оказалось дубом с глубокими корнями, о которые Вера чуть не споткнулась. Шатаясь, она опустилась на корточки и прижалась к стволу, шершавому, как стареющая кожа. Она любила вот так сидеть под кладбищенским лесом, пить горячее из термокружки и ждать, пока внутри все стихнет, а после шагать к

матери — десять минут от дуба, три линии, сотни чужих могил. И мама снова смотрит на нее строго. И Вера думает, что недостаточно полезна. Что она синоним недостаточности.

Девушка осторожно приближалась к могиле, словно боялась разбудить покойного. Вера узнавала в ней себя.

— Привет. — опущенная ладонь коснулась густых бровей, провела по линии щеки и остановилась на подбородке. — Трудно без тебя, все разваливается.

Вера беззвучно делала глоток за глотком, прижимаясь головой к влажной коре. Вера хотела поставить галочку в пункте «Открытый диалог с родственником погибшего». Вере нужно было заговорить.

— Как вас зовут?

— Оля.

— Оля, хотите чаю? Кружка одна. Надеюсь, вы не брезгуете.

И Оля, слизнув слезы с губ, шагнула к Вере. Села и вытянула руку вперед, как ребенок, требующий шоколад. Не полежавший на полке «Бабаевский», а Киндер или Милку, чтобы сладость растеклась во рту. Слиплась сахарной жижей в желудке. Растопила пустоту внутри.

— Иногда я его почти ненавидела. Его придирики и вонючее мясо по выходным. До сих пор чувствую этот запах.

Вера так и замерла с термосом, только бы не спугнуть Олю с ее рассказом.

— Вообще я его плохо помню, — продолжила Оля, — точнее, помню о нем только плохое. Он меня даже лупил, если я неправильно держала ружье.

— Ружье? — спросила Вера.

Оля кивнула.

— Дед охотником был. Ездил со стариками в лес. Там у них все серьезно было. Лицензия, внедорожники и камуфляж, — она прижала крышку термоса к груди, — однажды он взял меня с собой и говорит: «Оль, как ты жить собираешься, если стрелять не умеешь?». Хотел, чтобы я дичь добывала. Туши медвежьи по квартире развешивала. Жесть, короче.

— А что потом?

— Ревела два дня. — Оля посмотрела на могилу и улыбнулась, — маме говорила, что дед меня обижает. Мама не поверила и снова отправила с ним охотиться, потому что «в семье каждый должен приносить пользу».

Вера снова вспомнила мать и чуть не рассмеялась.

— Так вы научились стрелять?

— С ним невозможно было не научиться. Такой уж он был, Павел Петрович. Он и мертвого достанет.

Оля попала в цель одним выстрелом — прямо в Веру. Где-то в груди всколыхнулось, встало на свои места и отзвалось тихим голосом:

— У меня к вам предложение, — Вера встала и протянула Оле руку, — я проведу вас обратно, а вы расскажите, как нужно держать ружье.